

УДК 314.148 (571.1)

В.А. Исупов

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ
И УЧЕТОВ НАСЕЛЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКОВ
ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА***

V.A. Isupov

**THE USE OF LOCAL CENSUSES AND POPULATION RECORDS
AS THE SOURCES ON DEMOGRAPHIC HISTORY OF WESTERN
SIBERIA IN THE FIRST HALF OF XX CENTURY**

Одной из важнейших проблем исторической демографии является источниковедческое обеспечение исследований. К сожалению, отдельные, в особенности молодые, авторы уделяют мало внимания анализу используемых статистических материалов на достоверность и сопоставимость. В итоге опубликованные работы подчас полны недочетов и даже ошибок. Автор настоящей статьи предпринял попытку исправить этот досадный недостаток. Статья посвящена источниковедческому разбору таких важных источников, как локальные переписи населения, проводившиеся в Западной Сибири в первой половине XX в. Первая советская перепись 1920 г. проходила в условиях Гражданской войны и охватила всего 72 % населения, что не позволило получить какие-либо точные данные. Проведенная в декабре 1926 г. Всесоюзная перепись населения позволила произвести определение численности населения. Однако, начиная с 1930 г., СССР вступил в полосу демографического кризиса, переросшего в демографическую катастрофу. Миграции приобрели не только более масштабный, но и хаотичный характер. Запланированная на декабрь 1932 г. перепись проведена не была. В этот период единственным способом, позволявшим получить сведения о населении, являлись локальные переписи. В январе 1931 г. прошла локальная перепись городского населения Кузбасса. Ценным статистическим источником по истории урбанизации Сибири оказалась перерегистрация городского населения 1931 г., приуроченная к выдаче «заборных книжек». Жилищно-коммунальная перепись Новосибирска была проведена 15 февраля 1932 г. Сопоставление данных переписей скота и налоговых учетов 1932–1936 гг. позволяет выявить численность сельского населения. Таким образом, сопоставление всех упомянутых источников позволяет получить вполне достоверные сведения. Эти данные при отсутствии других источников

**Работа выполнена в рамках междисциплинарного проекта «Экономико-географические, этнокультурные и историко-демографические механизмы пространственного развития Сибири» комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН.*

позволяют проследить общие тенденции в развитии как городского, так и сельского населения Западной Сибири.

Ключевые слова: локальные переписи, статистика, демографическая история, народонаселение, численность, социальная структура, пол, возраст, миграции, погрешность учета.

One of the most important problems of historical demography is the provision of research sources. Unfortunately, some, especially young authors, pay little attention to the analysis of statistical materials used for reliability and comparability. As a result, published works are sometimes full of defects and even errors. It was an attempt to correct this unfortunate shortcoming in the study. The study was devoted to resource analysis of such important sources as local population censuses conducted in Western Siberia in the first half of XX century. The first Soviet census of 1920 was held in the conditions of Civil war, and covered only 72 % of the population, which did not allow obtaining any accurate data. The all-Union census conducted in December 1926 made it possible to determine the population number. However, since 1930 the USSR entered the period of demographic crisis, which turned into a demographic catastrophe. Migration had not only more widespread, but also chaotic character. The census scheduled for December of 1932 had not been carried out. During this period, the only method that allowed obtaining data on the population was local census. In January of 1931, a local census of Kuzbass urban population was held. A valuable statistical source on the history of urbanization of Siberia was the reregistration of urban population in 1931, dedicated to the issuance of "fence books". On February, 15, 1932 housing and communal census of Novosibirsk was held. The comparison of the data of the census of cattle and tax records of 1932–1936, allowed revealing the number of rural population. Thus, the comparison of all mentioned sources provided quite reliable information. These data, in the absence of other sources, allowed tracing general trends in the development of both urban and rural population of Western Siberia.

Keywords: local census, statistics, demographic history, population, number, social structure, gender, age, migrations, accounting error.

Одной из самых трудных и сложно решаемых задач исторической демографии является проблема использования исторического источника. Учет демографических событий в России долгие годы проводился со значительными погрешностями. Такое положение в значительной степени было обусловлено недостатками в деятельности государственных структур, осуществлявших фиксацию числа родившихся, умерших, бра-

ков, а также прибывших и выбывших. Это лежит в основе тех просчетов, которые допускались при построении динамических рядов численности населения и выявлении характеристик половозрастной структуры населения.

Основным источником данных для выявления численности и структуры населения являются переписи населения. Как известно, переписи отличаются по территориальному охвату: всеобщие и локальные. К всеобщим переписям относят те, которые охватывают всю территорию страны. Локальные (местные) переписи распространяются на территории отдельных регионов или даже отдельных поселений. Помимо этого, в условиях дефицита информации российские статистики научились получать сведения из материалов разного рода статистических учетов.

До революции в России был накоплен значительный опыт организации и проведения локальных переписей. С 1892 по 1917 г. в России было организовано около двухсот локальных переписей [1, с. 323]. Так, в Западной Сибири в 1866 г. проводилась перепись населения Томска, в 1872 г. – Тобольска, в 1877 г. – Омска, в 1886 г. – Тюмени и Ялуторовска, в 1895 г. – Барнаула, в 1905 г. – Новониколаевки [1, с. 323]. Современные специалисты по сибирскому историческому городоведению широко используют материалы дореволюционных локальных переписей городского населения [2, 3].

В Российской империи первая всеобщая перепись населения была организована в 1897 г. Данные этой переписи отличаются высокой точностью. На их основе проводились расчеты последующих динамических рядов численности населения. Материалы первой общероссийской переписи населения быстро устарели. Потребовалась организация следующей переписи, которая была намечена на 1910 г. Но она не была проведена ввиду недостатка средств. Центральный статистический комитет (ЦСК) Российской империи к 1915 г. создал план очередной переписи, но его реализация была отложена до окончания мировой войны. В связи с бурными демографическими изменениями революционных лет не дали точных результатов и сельскохозяйственные переписи, проведенные в 1916 и 1917 гг. [4].

Пришедшие к власти большевики были крайне заинтересованы в получении статистических данных трудовых и военно-мобилизационных ресурсах страны. В этой связи советское правительство приняло решение о проведении демографической переписи в августе 1920 г. Естественно, что условия Гражданской войны не позволили получить какие-либо точные данные о населении. Перепись охватила всего 72 % населения страны [1, с. 324]. Так, в Сибири перепись не проводилась на территории Забайкалья, Якутии, в Бодайбинском, Илимском и Киренском уездах Иркутской губернии, в Туруханском крае Енисейской губернии.

нии, в Нарымском крае Томской губернии¹. Новая перепись, проходившая в марте 1923 г., являлась городской и не могла послужить основой для установления численности и состава населения страны в целом.

Только проведенная в декабре 1926 г. Всесоюзная перепись населения позволила внести в трудоемкую работу по установлению численности населения СССР и его отдельных регионов достаточно обоснованные коррективы. На основе этой переписи и материалов данных о естественном и механическом приросте проявилась возможность производить определение численности населения.

В Статистическом секторе Сибирской краевой плановой комиссии, опираясь на сведения переписи 1926 г., были сделаны оценки численности населения Сибирского края. Но эти расчеты опирались на неточные материалы естественного и механического движения населения. Прежде всего, это относится к сведениям о числе мигрантов. А.И. Слуцкий, один из видных статистиков Сибири второй половины 1920-х – начала 1930-х гг., характеризуя точность учета механического движения населения, писал: «...этот учет в настоящее время ведется настолько неудовлетворительно, что данными его пользоваться не представляется возможным» [5, с. 106].

Это приводило к быстрому накоплению статистической ошибки. Погрешность была тем выше, чем дальше отстояла оценка от даты переписи. К 1930 г. накопленная ошибка выросла до значительной величины.

Начиная с 1930 г. СССР вступил в полосу демографического кризиса, который перерос в демографическую катастрофу. Миграции приобрели не только более масштабный, но и хаотичный характер. Спасаясь от коллективизации и раскулачивания, в города бежали тысячи крестьян. Росли и масштабы насильственных депортаций. Быстро нарастала смертность. Динамика демографических изменений приобрела столь стремительные темпы, что статистики неизбежно сбились со счета.

Н. Солоницын, один из руководителей сибирских статистиков, указывал в 1931 г., что численность населения после переписи 1926 г. «приходилось определять путем исчислений... В условиях значительных процессов миграции населения ни сила организаторского искусства по наблюдению за этими процессами, ни сила исчислительного хитроумия статистиков – не в состоянии были уловить меры действительного количественного уровня населения» [6, с. 5].

В таких условиях возникла необходимость провести дополнительную всеобщую перепись, и таким образом получить точные данные о численности и структуре народонаселения. В постановлении СНК СССР 28 апреля 1932 г. было провозглашено решение об организации Всесоюзной переписи населения. Ее намечалось провести в декабре 1932 г. В сентябре 1932 г. была проведена опытная перепись, охватившая четы-

¹ Население Сибири (по материалам Всероссийской переписи 1920 года). Погубернские, поуездные и поволостные итоги. Т. 1. Вып. 5. – Новониколаевск, 1921. – С. 1.

ре района Московской области [7, с. 179]. Однако запланированная перепись проведена не была.

Таким образом, единственным способом, позволявшим получить сведения о населении, являлись локальные переписи. Это было относительно недорогое статистическое мероприятие, так как проводилось по сокращенной программе. Организация локальных переписей осуществлялась за счет местных бюджетов. Первая локальная перепись была проведена 25 февраля 1931 г. на территории Крымской АССР. В апреле 1931 г. эстафету принял Азербайджан. Здесь было переписано сельское население. В сентябре этого года республиканскую перепись городского и сельского населения организовал Наркомат просвещения Армянской ССР [8, с. 164, 167, 168].

В январе 1931 г. Статистический сектор Запсибкрайплана провел локальную перепись на территории Сибири. В ходе переписи проводился учет городского населения Кузбасса. Критический день переписи был назначен на 15 января. Собственно, переписной период устанавливался от одного до трех дней.

Для проведения переписи были привлечены представители общественности. Среди регистраторов преобладали служащие советских учреждений, учителя, учащиеся техникумов и даже школьники старших классов. Для руководства переписью Сибкрайплан направил в Кузбасс квалифицированных статистических работников [9, с. 2–7]. Все крупные города и рабочие поселки Кузбасса были охвачены переписью. Вместе с тем осталось непереписанным население некоторых рудничных поселков, таких как Киселевск, Салаирский и Тельбесский рудники. Не было переписано и население железнодорожных новостроек. По свидетельству Н. Солоницына, на этих новостройках сосредотачивалось «большое количество населения» [6, с. 6], но ввиду острой нехватки статистических сил от проведения учета населения в этих пунктах пришлось отказаться.

Перепись, в первую очередь, выявила фантастически высокие темпы роста численности городского населения, а во вторую – зафиксировала появление сразу нескольких новых крупных населенных пунктов.

Помимо сведений о численности и социальной структуре городов Кузбасса, в ходе переписи был собран обильный материал о социальном составе городского населения Кузбасса, о его распределении по полу; о составе семей, «нагрузке» самодеятельных иждивенцами, соотношении самодеятельных и не самодеятельных, распределении самодеятельных по отраслям труда.

Отметим, что в переписи городского населения Кузбасса опросный лист содержал вопрос: «Сколько времени проживает в данном населенном пункте?». Это давало возможность собрать бесценные сведения о мигрантах, которые играли определяющую роль в формировании насе-

ления городов. В частности было установлено, что к моменту проведения переписи в городах Кузбасса почти 70 % населения проживали менее 3 лет [9, с. 10]. Следовательно, население городских поселений Кузбасса почти полностью состояло из мигрантов и было предельно маргинализированно.

Перепись способствовала выявлению двух других важных фактов, позволяющих оценить основополагающие характеристики процесса формирования городского населения Кузбасса. С одной стороны, было подтверждено, что сельское население являлось главным источником роста населения региона. С другой стороны, был развеян миф, что якобы население европейской части СССР играло ведущую роль в урбанизации Кузбасса.

Таким образом, собранные в ходе переписи материалы представляют бесценные сведения по проблемам формирования и развития городского населения одного из крупнейших промышленных районов Советского Союза.

Не менее ценным статистическим источником по истории урбанизации Сибири оказалась перерегистрация городского населения. Перерегистрация была приурочена к выдаче жителям городов аналога карточек – так называемых «заборных книжек». Мероприятие осуществлялось в период с 15 марта по 15 апреля 1931 г. В данном случае учитывался высокий уровень заинтересованности населения СССР в получении заборных книжек. Перерегистрация в сущности представляла собой своеобразную микроперепись.

Перерегистрация преследовала цели: выявить численность горожан; изучить их возрастную, семейную, гендерную и социальную структуру, определить численность работающих горожан, выявить их распределение по профессиям, отраслям труда, источникам существования, а также по секторам производств (государственному, общественно-кооперативному и частному). Учитывалась также такая характеристика, как наличие членства в профсоюзе, одновременно фиксировалась норма или категория снабжения².

В ходе проведения перерегистрации были обнаружены многочисленные промахи методологического характера. Так, нечетко было проработано положение о безработице. В итоге в категорию безработных включались домохозяйки, иждивенцы, лица, владевшие кооперативными мастерскими. Категория так называемых «нетрудовых элементов» устанавливалась по формальным признакам. В ходе обработки данных выяснилось, что статистики успели только частично обработать сведения первичного учета. Были обчислены только данные по численности населения, его семейному составу, а также по полу и социальному положению.

² ГААК. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 245. – Л. 1.

В Западно-Сибирском крае планировалось охватить не менее 50 городских поселений. Вместе с тем, в пяти городских поселениях – Ольховском и Осиновском рудниках, Бердске, Сарале и Тюкалинске перерегистрация не проводилась. А в Кузнецке она была произведена с грубыми погрешностями. Данные по Новокузнецку, Гурьевскому заводу, Салаирскому руднику и Алейскому заводу в плановые органы поступили с опозданием, слишком поздно, и не были включены в разработку. Таким образом, в ходе весенней перерегистрации городского населения 1931 г. в Западно-Сибирском крае было учтено 41 городское поселение [10, с. 45]. Более того, неполный материал был представлен к разработке по Томску и Мариинску. В связи с этим по части городов были использованы исчисления Статистического сектора Крайплана, а по ряду городов Кузбасса использовались сведения переписи городского населения, прошедшей в январе [10, с. 53].

В результате полные и точные данные о городском населении получить не удалось. Тем не менее в условиях статистической неразберихи начала 1930-х гг. полученные результаты имеют важное значение для историков. Собранная информация, хотя и с существенной долей погрешности, показывает главный тренд, по которому шло развитие городского населения. Эти сведения получают особую ценность при сопоставлении их с данными переписи 1926 г., а по Кузбассу – с данными январской переписи 1931 г.

Материалы весенней перерегистрации 1931 г. были положены в основу не только для установления численности и состава городского населения Западной Сибири, но и по Советскому Союзу в целом, а также для Урала, Восточной Сибири и Якутии. В дальнейшем эти данные были использованы в качестве отправной точки при расчетах численности городского населения СССР и его отдельных регионов.

Учитывая кардинальные и очень быстрые изменения демографической ситуации, а также невысокую точность полученных в ходе весенней перерегистрации 1931 г. сведений, Управление народно-хозяйственного учета Западно-Сибирского края наметило дополнительно провести весной 1932 г. нескольких местных переписей населения, охватывавших наиболее крупные города края. Основной упор делался на изучении жилищно-коммунального хозяйства городских поселений. Но, вместе с тем, предполагалось определить численность населения городов, установить структуру самодеятельного населения по отраслям производства, выявить социально-классовый состав горожан, учесть наличие жилого фонда и строений. Работу намечалось завершить к июню 1932 г.

Первая перепись в ходе выполнения проекта была организована 15 февраля 1932 г. Статистики провели жилищно-коммунальную перепись Новосибирска. Однако финансирование проекта было остановлено. Соответственно были собраны сведения о населении только одного, са-

мого крупного города Западной Сибири [11]. Перепись установила невероятно высокие темпы роста численности населения Новосибирска. По данным переписи 1926 г., в Новосибирске проживало 120,1 тыс. чел., в апреле 1931 г. – 180 тыс. К 15 февраля 1932 г. население города насчитывало свыше 235 тыс. чел. [11, с. 6].

Наибольшее значение при проведении жилищно-коммунальной переписи Новосибирска придавалось установлению социального состава населения и его самостоятельности. Эта особенность была характерна для всех локальных переписей, проводившихся в 1930-е гг. Перепись установила, что за период между переписью, проведенной в Новосибирске в 1926 г., и переписью, проходившей в 1932 г., численность рабочих увеличилась более чем втрое, а количество служащих почти удвоилось. Количество самостоятельного населения Новосибирска увеличилось с 50 тыс. чел. на 17 декабря 1926 г. до 95,1 тыс. чел. на 15 февраля 1932 г. [11, с. 6]

Чрезвычайно важно, что в переписи были отражены гендерные аспекты социального состава населения. Было установлено, что количество женщин-рабочих увеличилось с 1,3 тыс. на 17 декабря 1926 г. до 7,8 тыс. на 15 февраля 1932 г., женщин-служащих выросло соответственно с 6,9 тыс. до 13,3 тыс. [11, с. 7]. Это указывало, что форсированными темпами нарастал процесс включения женщин в производственные отношения. Особенно заметный рост количества работниц наблюдался в промышленности, строительстве и транспорте. Данные переписи позволяют дать косвенную оценку причин снижения рождаемости в городе.

С целью сбора статистической информации о населении в 1930-е гг. успешно использовали так называемые «переписи скота». Хотя главной задачей этих мероприятий являлся сбор сведений о поголовье скота, одновременно производилась фиксация сельскохозяйственного населения. В так называемые «похозяйственные списки», которые составлялись в ходе проведения переписей скота, заносились хозяйства колхозников и единоличников, при этом наличие или отсутствие у них скота не имело значения. Кроме того, эти переписи охватывали хозяйства рабочих, служащих, кустарей, железнодорожников, работников грунтового, шоссейного и водного транспорта [12, с. 1–2]. В условиях острого дефицита сведений о населении переписи скота позволяли производить учет населения. Эти данные использовались для получения информации о численности населения. Особенно важно, что эти сведения содержат ценную информацию о численности населения по районам Сибири. Например, были выявлены данные о численности населения Западно-Сибирского края, собранные в ходе переписей скота в 1932, 1935 и 1936 гг. Таким образом, путем сопоставления данных переписей скота за разные годы имеется возможность произвести построение динамических рядов численности сельского населения.

Близки по значению к переписям скота и налоговые учеты, которые также позволяют выявить численность сельского населения. В ходе налоговых учетов в 1932–1936 гг. были получены показатели численности сельского населения, разделенные по отдельным районам Сибири. Видный статистик Сибири А.И. Чураев подчеркивал важность проведения регулярных налоговых учетов для определения численности сельского населения. «В отношении численности сельского населения», – писал А.И. Чураев, – «мы имеем более или менее точные данные благодаря ежегодным налоговым учетам» [13, с. 100].

Сопоставление данных налоговых учетов и сведений, собираемых в ходе переписей скота, давало возможность отечественным статистикам получать вполне приемлемые сведения о динамике численности сельского населения. Материалы переписей скота и налоговых учетов стали удобной базой ведения сельсоветами книг похозяйственного учета. Дважды в год – 1 января и 1 июля секретарь сельсовета был обязан проводить подворные обходы для сбора данных о населении. Результаты похозяйственного учета фиксировались в похозяйственных книгах [14, с. 260]. Похозяйственные книги учитывали: численность сельского населения, возраст, пол, национальность, грамотность, обучение в учебных заведениях, род занятий, специальность, место работы, инвалидность [14, с. 261]. Можно смело утверждать, что современные историки располагают ценнейшим источником, охватывающим практически весь комплекс сведений о сельском населении.

Если сопоставить все упомянутые в статье источники, то на основе этого сопоставления можно получить вполне достоверные сведения о динамике населения в послевоенные годы. Эти данные не обладают высокой точностью. Тем не менее, при отсутствии других источников они незаменимы уже потому, что позволяют проследить общие тенденции в развитии городского и сельского населения.

Подводя итоги краткого обзора локальных переписей и учетов населения как источников по демографической истории Западной Сибири, отметим, что в условиях дефицита информации о населении они являются важным подспорьем, позволяющим установить как численность, так и структуру населения России и ее отдельных регионов в первой половине XX столетия.

Литература

1. Демографический энциклопедический словарь. – М., 1985.
2. Алисов Д.А. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начала XX вв.). – Омск, 2002.
3. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: население, экономика, застройка и благоустройство. – Барнаул, 2014.

4. Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. – Новосибирск, 1992.
5. Слуцкий А. К вопросу о постановке учета механического движения населения по горпоселениям // Статистика Сибири: сб. ст. и мат-лов. – Новосибирск, 1930. – Вып. 3.
6. Солоницын Н. Динамика численности и социального состава населения городов Кузбасса // Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. – Новосибирск, 1931.
7. Гибшман А. Всесоюзная перепись населения СССР 1933 г. // Народное хозяйство СССР. – 1932. – № 5-6.
8. Семенов Т. Местные переписи населения 1931 г. // Народное хозяйство СССР. – 1932. – № 3-4.
9. Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. – Новосибирск, 1931.
10. Слуцкий А. Социальный состав городского населения // Статистика Сибири: сб. ст. и мат-лов. – Новосибирск, 1931. – Вып. 6.
11. Итоги жилищно-коммунальной переписи г. Новосибирска в феврале 1932 года. – Новосибирск, 1932.
12. Инструкция по переписи скота на 1 января 1936 г. для регистраторов. – Л., 1935. – 11 с.
13. Чураев А. Перепись 1937 г. // Народное хозяйство Восточно-Сибирского края. – 1937. – № 3.
14. Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. – М., 1945.

Literatura

1. Demograficheskiy jenciklopedicheskiy slovar'. – М., 1985.
2. Alisov D.A. Kul'tura gorodov Zapadnoj Sibiri (vtoraja polovina XIX – nachala XX vv.). – Omsk, 2002.
3. Skubnevskij V.A., Goncharov Ju.M. Goroda Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: Naselenie, jekonomika, zastrojka i blagoustrojstvo. – Barnaul, 2014.
4. Gorjushkin L.M., Pronin V.I. Naselenie Sibiri nakanune Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii // Istoricheskaja demografija Sibiri. – Novosibirsk, 1992.
5. Sluckij A. K voprosu o postanovke ucheta mehanicheskogo dvizhenija naselenija po gorposelenijam // Statistika Sibiri: sb. st. i mat-lov. – Novosibirsk, 1930. – Vyp. 3.
6. Solonicyn N. Dinamika chislennosti i social'nogo sostava naselenija gorodov Kuzbassa // Kuzbass. Rezul'taty perepisi gorodskogo naselenija 1931 g. – Novosibirsk, 1931.

7. Gibshman A. Vsesojuznaja perepis' naselenija SSSR 1933 g. // Narodnoe hozjajstvo SSSR. – 1932. – № 5-6.
8. Semenov T. Mestnye perepisi naselenija 1931 g. // Narodnoe hozjajstvo SSSR. – 1932. – № 3-4.
9. Kuzbass. Rezul'taty perepisi gorodskogo naselenija 1931 g. – Novosibirsk, 1931.
10. Sluckij A. Social'nyj sostav gorodskogo naselenija // Statistika Sibiri: sb. st. i mat-lov. – Novosibirsk, 1931. – Vyp. 6.
11. Itogi zhilishhno-kommunal'noj perepisi g. Novosibirsk v fevrale 1932 goda. – Novosibirsk, 1932.
12. Instrukcija po perepisi skota na 1 janvarja 1936 g. dlja registratorov. – L., 1935. – 11 s.
13. Churaev A. Perepis' 1937 g. // Narodnoe hozjajstvo Vostochno-Sibirskogo kraja. – 1937. – № 3.
15. Posobie po statistike dlja rajonnyh i uchastkovyh inspektorov CSU Gosplana SSSR. – M., 1945.

